

СИСТЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В ТЕОРИИ И ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ XX в.

Лисовская Татьяна Витальевна

Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

В статье представлена трансформация моделей государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в XX в. на основе кумулятивного подхода к классификации моделей с помощью базовых индикаторов. Определено, что в XX в. в Беларуси произошел переход от модели религиозного государства в период Российской империи к модели секулярного государства в форме враждебной (французской) сепарации в БССР и кооперационной модели в Республике Беларусь.

Система государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в XX в. прошла длительный путь радикальных трансформаций, связанных с общественно-политическими изменениями: революциями 1905 и 1917 гг., установлением нового общественно-политического строя, провозглашением независимой Республики Беларусь в 1991 г.

Для классификации моделей взаимоотношений церкви и государства в Беларуси нами были выделены характеристики общественного и политико-правового поля, применяемые большинством исследователей для данных категорий государств: уровень секуляризации общества и государственной системы, степень взаимосвязи государственных и церковных институтов, степень идеологического монополизма, наличие привилегированного статуса определенного вероисповедания, правовой статус и правомочия религиозных организаций, степень реализации свободы совести граждан.

Так, в начале XX в. белорусские губернии Российской империи находились в рамках российской модели религиозного государства [8, с. 28-33; 7, с. 172] или клерикального (конфессионального) государства [1, с. 14]. Данная модель характеризуется взаимопроникновением государственных и религиозных институтов, правовым закреплением приоритетного положения Русской православной церкви) в обществе, наличием системы правовой и административной защиты православия как «главенствующей и первенствующей» религии, преобразованием церковных институтов в часть государственно-политической системы (наличие административных, метрических функций церковных институтов). Идеологической основой общественного сознания являлось православие, выход из которого был запрещен до 1905 г., а религия – единственно возможной формой мировоззрения. Как результат защиты идеологического монополизма православия были введены ограничения и ответственность при исповедании негосударственной религии, как в публичной сфере, так и в частной.

Нормативные документы Временного правительства задекларировали свободу совести и вероисповедания, введение внеконфессионального статуса граждан, отмену ограничений и преследований на основе конфессиональной принадлежности, ликвидировали монополизм религиозной идеологии и создали правовые условия реализации свободы совести и вероисповедания. Это, хотя

и без правового закрепления термина «светское государство» и принципа отделения церкви от государства, в целом свидетельствовало о переходе к модели светского государства. При этом, консервативная позиция Временного правительства обеспечили ориентацию на сохранение особого статуса православной церкви в государстве и ее тесную взаимосвязь с государственной системой, что было разработано партией кадетов и православной церковью в рамках Предсоборного совета. Данная модель, при которой церковные и светские институты и сферы их деятельности разделены, но провозглашена одна из церквей в качестве государственной на основе историко-культурных традиций, государство не занимает категорической позиции в вопросе истинности религиозной доктрины, а религиозные организации пользуются принципом равенства, а их приверженцы – всем объемом религиозных прав и свобод классифицируется как идентификационная модель (система национальных церквей) – С. Феррари [4, с. 113]; преференциальная модель – И. Понкин [2, с. 214]; религиозная модель – J. Krukowski [7, с. 219], S. Pietrzak [8, с. 25]; система государственных религий – Rex Ahdar [9, с. 246], Steven Kettell [6, с. 540], Gerhard Robbers [10, с. 48].

Переход власти в руки большевиков и принятие Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января 1918 г., Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и др. нормативно-правовых актов повлекло за собой создание новой системы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси. Данная модель светского государства характеризуется высокой степенью супрематии государства над церковными институтами, лишением религиозных организаций правоспособности, минимизацией их участия в общественных процессах, переводом религиозной активности из общественной сферы в сферу частных интересов и локализацией религии в частной сфере при формальном провозглашении свободы совести и равенства граждан в Конституции БССР. Данная модель полного разделения сферы деятельности государственных и религиозных институтов, игнорирование коллективного (публичного) измерения свободы совести, вытеснение религиозных институтов из публичного пространства квалифицируется как сепарация или отделительная модель – Rex Ahdar [9, с. 440], С. Феррари [4, с. 125], Gerhard Robbers [10, с. 47], И. Понкин [2, с. 457]; аконфессиональное государство – М. Одинцов [1, с. 27]. Однако доминирование атеистического мировоззрения, максимальное ограничение публичного выражения религиозных убеждений, локализация религии исключительно в сфере частных интересов, лишение церковных институтов правоспособности говорит о радикальной сепарации – модели враждебной «французской» сепарации (J. Krukowski [Krukowski 2000]) или секулярной квазирелигии (И.В. Понкин [2, с. 512]) или атеистическое государство (М. Одинцов [1, с. 28]).

Закрепление и реализация новой парадигмы государственно-конфессиональных отношений были вызвана либерализацией общества во второй половине 80-х г., общественно-политическими преобразованиями и провозглашением Республики Беларусь в 1991 г. на основе демократических принципов построения государства. Принятые в 1992 г. Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» и Закон «О свободе совести и религиозных организациях» от 31 октября 2002 г. признали религиозные организации неотъемле-

мыми субъектами гражданского общества, установили их самостоятельность, независимость и невмешательство государства в внутренние дела церквей, свободу совести и религии в индивидуальном и коллективном измерениях. При этом государство может взаимодействовать с церквями как с на основе конституционных принципов и/или специальных законов, при правовом равенстве вероисповеданий. Характерным элементом установленной в Республике Беларусь системы является идентификация связи религий с национальной культурой и уважение свободы совести и религии. Так, в законе «О свободе совести и религиозных организациях» от 31 октября 2002 г. провозглашена «определяющая роль Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа, духовной, культурная и историческая роль Католической церкви на территории Беларуси, неотделимость от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама». Эта модель классифицируется как кооперационная модель – Rex Ahdar [9, с. 225], Gerhard Robbers [10, с. 580]; модель скоординированной сепарации – S. Krukowski [7, с. 238], M. Pietrzak [8, с. 36]; идентификационная – И. Понкин [2, с. 312]; государство «культурного сотрудничества» – М. Одинцов [1, с. 28].

Как мы видим, в XX в. в Беларуси происходит радикальная смена парадигмы государственно-конфессиональных отношений, в ходе которой произошел переход от модели религиозного государства в период Российской империи к модели секулярного государства в форме враждебной сепарации в БССР и кооперационной модели в Республике Беларусь, которая в условиях полирелигиозности белорусского общества в наибольшей степени соответствует интересами белорусского народа.

Литература

1. Одинцов, М. И. От государства конфессионального к государству светскому: российский путь. 1917–2017 / М. И. Одинцов // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сборник статей. – Вып. 14. – Владивосток, 2018. – С. 12–32.
2. Понкин, И. В. Правовые основы светскости государства и образования / И. В. Понкин. – М.: Про-Пресс, 2003. – 416 с.
3. Сафонов, А. А. Государство и церковь в имперской России: правовые аспекты взаимоотношений / А. А. Сафонов // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. – М.: Издательство Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ), 2011. – С. 28–40.
4. Феррари, С. Церковь и государство в Западной Европе: итальянская модель / С. Феррари // Мировой опыт государственно-церковных отношений. – М., 1998. – С. 110–130.
5. Fox, J. Separation of Religion and State in the Twenty-First Century: Comparing the Middle East and Western Democracies / J. Fox // Comparative Politics. – 2005. – Vol. 37. – № 3. – Pp. 317–335.
6. Kettell, S. State Religion and Freedom: A Comparative Analysis / S. Kettell // Politics and Religion. – 2013. – № 6. – Pp. 538–569.
7. Krukowski, J. Religia i wolność religijna w prawie Unii Europejskiej. Doswiadczenia i perspektywy / J. Krukowski // Materiały III Międzynarodowej konferencji «Religia i wolność religijna w Unii Europejskiej». – Warszawa, 2000. – Pp. 217–231.
8. Pietrzak, M. Prawo wyznaniowe / M. Pietrzak / – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1995. – 298 p.
9. Rex, Ahdar. Models of Religion–State Relations / Ahdar Rex // Religious Freedom in the Liberal State. – Oxford University Press, 2005. – 528 p.
10. Robbers, G. State and Church in the European Union / G. Robbers // State and Church in the European Union. – Baden-Baden: Nomos, 2005. – Pp. 577–589.